

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ

Старостин В. П.

ФГБОУ ВПО «Якутская государственная сельскохозяйственная академия», Якутск, Россия (677007, Якутск, ул. Красильникова, д. 15), e-mail: starost@list.ru.

В данной статье проводится анализ происхождения морали в мифологическом сознании. Автор доказывает возможность возникновения моральных устоев как регуляторов общественных отношений из мифа, заместившего собой инстинкт. При этом признается факт происхождения морали ранее, чем первых видов религиозных верований. Вместе с тем в статье указывается, что моральный тип сознания, несмотря на свою архаичность, сохраняет свою актуальность и в современном виде. Более того, по мере дальнейшего развития информационного общества, увеличения объема информации и все большего отчуждения человека, индивид часто ищет ориентиры своего внутреннего «Я» именно в мифе. Однако констатация данной реальности не должна вести к объявлению «смерти нравов» как регуляторов отношений внутри социума. Наоборот, признание индивидуальных прав и свобод, локальных интересов взаимно обогащает нравственный мир людей, делает его более совершенным в нравственном отношении. Это возможно только при признании общечеловеческих ценностей и единых корней происхождения морали у разных наций и народностей.

Ключевые слова: мифологическое сознание, современная мораль, общечеловеческие ценности.

MYTHOLOGICAL ROOTS OF MORAL CONSCIOUSNESS AND MODERN PROBLEMS OF MORALS

Starostin V. P.

Yakut state agricultural academy, Yakutsk, Russia (677007, Yakutsk, Krasilnikov St., 15), e-mail: starost@list.ru.

In this article the analysis of an origin of morals in mythological consciousness is carried out. The author proves possibility of moral foundations as regulators of the public relations from the myth which has replaced an instinct. The fact of an origin of morals earlier, than the first types of religious beliefs is besides admitted. At the same time, in article it is specified that the moral type of consciousness, despite the archaism, keeps the relevance and in a modern look. Moreover, in process of further development of information society, increase in volume of information and the increasing alienation of the person, the individual often looks for reference points of the inner self in the myth. However ascertaining of this reality shouldn't conduct to the announcement "death of customs" as regulators of the relations in society. On the contrary, recognition of the individual rights and freedoms, local interests mutually enriches the moral world of people, does it to more perfect morally. It is possible, only at recognition of universal values and uniform roots of an origin of morals at the different nations and nationalities.

Key words: mythological consciousness, modern morals, universal values.

Нравственная свобода каждого человека – это не просто свод законов, по которым надо поступать, не просто выбор различных вариантов поведения, а превращение моральных требований во внутренние потребности личности, в его собственные убеждения. Собственно нравственные отношения могут существовать и в личностной форме, и в системе развитых общественных отношений, так как во многом человеческие поступки проявляются как опосредованные, т. е. проявляются через взаимодействие с другими людьми. В этом смысле даже индивидуальную мораль можно расценить как особый, оценочно-императивный способ освоения социальной действительности, который осуществляется и развивается в нравственном опыте не только каждого отдельно взятого человека, но и всего человечества.

Мораль имеет глубокие корни в архаике, в обычаях и нравах того общества, когда

человек с помощью мифологического сознания пытался построить свою картину мира. Видимо именно в этот момент человек пришел к идее о несовершенстве мира. Первые элементы нравственного, а затем и раннего религиозного сознания оказались одной из форм протеста против обыденного мира, возмущения существующими в мире порядками, попытка подняться против своего бессилия перед силами природы, других людей, против насилия. В древних философско-религиозных системах, например, в индуизме, буддизме, зафиксирован ярко выраженный протест против убийства любых живых существ.

Вместе с тем мифологическое сознание не могло преодолеть иллюзорность восстановления справедливости, например, с помощью ежегодных сезонных празднеств, как бы возвращающих мир «на круги своя». Данный вид сознания во многом смешивало иллюзию и собственно бытие. В его рамках и реальный, и фантастический мир воспринимаются как единое, неделимое и неразрывно взаимосвязанное. Человек еще не мог сформировать для себя понятия идеального, тем более понятия собственного «Я». Но все же исследование содержания мифологического сознания позволяет нам сделать вывод о том, что обобщенный взгляд на процессы и свойства окружающего мира формируется особенностями психической организации человека. Так что, несмотря на то, что моральное сознание пока не стало определяющим в поведении человека, но оно начинает зарождаться именно в это время. С моральным протестом связана и идея о греховности и, как следствие, идея достижения совершенства, прежде всего нравственного совершенства, идеала. Это оказалось возможным только путем разрушения мифологического способа интерпретации окружающего мира и перехода к рациональному взгляду, в том числе и на мораль. Однако впоследствии человек понимает, что идеальный мир несовместим с профаническим: мое индивидуальное понимание совершенства несовместимо с общественными установлениями. В таком случае возникает вопрос: как моя личность сможет самораскрыться, реализоваться в этом ущербном, греховном, «падшем» мире? Таким образом, все эти противоречия возникают в самом начале становления человеческого общества и его сознания (как каждого человека, так и всего сообщества) и коренятся на том основании, что индивидуальная мораль вступает в противоречие с общепринятым, общественным.

Мораль обращена, прежде всего, на самого человека, на его собственное «я». В этом, кстати, кроется основное отличие морали от религии: в религиозной морали люди проповедуют не свое собственное, а *ставшее своим* божественное (небесное). Личность, пророк выступает как некий посредник между людьми и божественным (небесным). Например, Конфуций, Моисей, Христос, Мохаммед говорят не от своего имени. Они передают божественные истины. Можно сказать: несмотря на то, что мораль коренится в архаическом обычае, но сама моральная позиция всегда выступает как позиция личностного

противостояния. Общась с соплеменниками, взаимодействуя с ними, человеку приходится подниматься над обыденностью каждодневного бытия, чтобы нравственно оценить те или иные поступки своих сородичей, судить и затем поступать по собственной совести. На уровне становления человеческого общества, до появления первых государств, закона и права именно нравственность выступает одним из основных регуляторов отношений в обществе. Миф в это время не теряет своей безусловности, но все более замещается законами нравственными. С увеличением объема накопленного практического и преднаучного синкретического знания моральные законы начинают приобретать свойство безусловности своего исполнения. Если миф заместил собой инстинкт, а мораль как регулятор общественных отношений заменил собой миф. Мораль позволила освободиться от отживших свое привычных взглядов, мнений и создать на новом уровне новые представления о процессах и характере происходящих событий.

Истинная мораль изначально оппозиционна существующим законам и порядкам. Иначе невозможно было бы обеспечить дальнейшее развитие: общество вверглось бы в застой. Мораль постоянно создает некий идеал, к которому должны двигаться люди, общество, для достижения совершенства. Как говорит известный российский философ – этик, доктор философских наук Р. Г. Апресян, «*мораль, моральное* – это то, что отлично от видимой реальности, непосредственно данной действительности, более того, что осмысливает эту действительность, задает ей определенный идеальный стандарт (в ценностно-положительном или отрицательном контексте)» [1, с. 8–9].

Один из основателей дискурсивной этики немецкий философ доктор К.–О. Апель считал, что некоторые деструктивные аспекты человеческого взаимодействия на природу даже не были включены в этическую проблематику традиционных институтов морали или права. Только в последние годы человек как морально осознающий свою ответственность элемент природы начал создавать этические корреляты в данной области, соотнеся биологические процессы к социальным отношениям между людьми. «Поэтому до сих пор далеко не ясно, как следует осознавать эти проблемы и вызовы в отношении к *этике в целом*. Существуют ли институты или формы морали и этики, которые соразмерны этим проблемам; или мы нуждаемся в совершенно новом типе этики, базирующейся на новом типе философии или мудрости; или нам можно отказаться и просто игнорировать эти новые этические проблемы и сохранять наши партикулярные моральные традиции и привычки?» [7, с. 147]. Апель выдвинул идею, что нам необходима общечеловеческая, расплывающаяся в неограниченном пространстве этика. Только в этом случае возможен позитивный философский дискурс, который должен удовлетворить интересы людей как нынешнего, так и последующего поколения.

Американский профессор Аласдер Макинтайр в книге под названием «После добродетели: Исследования теории морали» утверждает, что современная философия сталкивается с парадоксальной ситуацией: традиционная этическая категория блага оказалась за пределами самой морали. Такое положение американский профессор связывает, прежде всего, с изменением характера производства и ориентацией его на массовое потребление. «По мере того, как продукция выходила за пределы дома и становилась на службу безличному капиталу, мир работы становился все более оторванным от всего, что, с одной стороны, связано лишь с биологическим выживанием и воспроизведением рабочей силы и, с другой стороны, с институтом потребительства» [3, с. 307].

Действительно, в мире всестороннего и разнообразного потребительства, подогреваемого рекламой, даже для отдельной личности более значимым становится то, что потребно и приемлемо для масс. Как ни парадоксально, но это происходит на фоне все большего проникновения в общественное сознание, идей и принципов демократизации и либерализации, предусматривающих защиту прав и свобод личности. Но в этом нет никакого противоречия: эгоизм группы людей, стоящей на высшей ступени иерархии, преследующий свои цели, может подчинить себе сознание и действие большого количества масс. При этом последние даже не заметят, что в реальности их сознанием и поведением манипулирует кучка проходимцев ради звонкой монеты. Вот почему, в основном, в сферу массовой культуры оказываются вовлеченными не сформировавшиеся лично молодежь и маргинальная часть общества.

В обществе, где культивируются эгоистические цели, вырастают желания и потребности, вернее неукротимое желание иметь и обладать. Мерилом собственного «Я», эталоном общественного признания становится отнюдь не личные добродетели человека или его достижения в самосовершенствовании, а количество денег, накопленных им и гарантирующих ему многие права и свободы. Добродетельность и милосердие, сострадательность и самопожертвование оцениваются людьми-потребителями в обиходном смысле этого слова – суммой произведенной ими милостыни. И это подаяние, скорее оказывается – не столько искренним желанием творить благо, сделать доброе дело – иначе оно должно бы оказываться анонимно, – а стремлением почувствовать наслаждение от собственной значимости. К тому же надо понимать, что дела, превращенные в деньги, становятся категориями, стоящими вне рамок морали. Ибо деньги – вне понятий добра и зла.

Искания, позиция, в конце концов, поступок человека в едином социальном организме составляет главный стержень общественной нравственной жизни. Поиск в мире нравственных ориентиров предполагает самостоятельный выбор цели и путей осуществления задуманного; позиция – решимость, готовность к реальному, практическому

претворению замыслов, планов человека; поступок есть объективация целей, и выступает как целостность мотива и действия, цели и средства. При таком рассмотрении жизнедеятельности вырисовывается новый ряд проблем, имеющих предельное отношение к вопросам эффективности морального выбора личности, о комплексе нравственных прагматических (от слова: pragma – дело) качеств, обеспечивающих оптимальное достижение достойной цели, к вопросу о деловитости и предприимчивости, являющихся основой сегодняшней экономической жизни общества. В упрощенном виде это можно рассмотреть в плане соотношения «интересов дела» и «интересов морали». Не надо думать, что дискуссии по данной проблематике возникли сегодня, они стали актуальными задолго до краха социалистической идеологии. Но сегодня следует признать, что «пространственное поле» общения ученых и практиков от экономики (экономистов, представителей бизнеса, крупного и среднего капитала, деловых людей), с одной стороны, и философов, теоретиков морали, с другой – является крайне узким.

Интересно представить, как изменилось бы содержание творчества Достоевского, живи он в начале XXI века – в эпоху, где есть не только газеты, но и телевидение с разветвленной системой жанров и новостей, видео, компьютер и Интернет, сотовая связь, реклама, авторская песня, поп-музыка, блатной фольклор, реально клонирование и возможна виртуальная реальность и т. д.? По всей видимости, массовая культура существует как некий прообраз культуры, по принципу дополнительности, когда нехватка в одном канале представления дополняется избытком в другом. Когда для нахождения более объективной картины происходящего считается возможным допущение различных, порой взаимоисключающих взглядов на природу процессов, явлений, фактов. Именно так массовая культура противопоставляется фундаментальной культуре. Можно сказать, что элементы массовой культуры существовали всегда: все морализаторские произведения классической литературы представляют читателю различные инварианты действий героев произведения в тех или иных жизненных обстоятельствах. Важен не результат («мораль сей басни такова...»), а те нравственные коллизии, которые приходится пройти, чтобы сделать свой выбор («сказка ложь, да в нем намек»). Читатель, если он внимательный, обязательно найдет в произведении свою «систему координат», сделает свой акцент, увидев в контексте все возможные варианты действий. Это во многом будет зависеть от природных эстетических вкусов и интересов индивида, воспитания и окружающей социальной среды.

В современном обществе вновь ключевой проблемой морали в обществе становится вопрос о соотношении общественных (коллективных) и индивидуальных (личных) интересов, так как мораль является существенным аспектом взаимодействия личности и общества. А человек проявляется в нравственном, он формируется как личность из

нравственного и в дальнейшем разворачивается в общественном. Нельзя говорить о нравах безотносительно от того или иного общего социального, в котором они генерируются и фиксируются.

Эрих Фромм, отрицая фрейдовскую концепцию “homo phsychologicus” как нереалистическую конструкцию говорит о том, что нельзя понять человека без рассмотрения природы его ценностных и моральных конфликтов. Фромм видит прогресс не в том, «чтобы отделить сферу якобы «естественного» от сферы якобы «духовного», а в том, ... чтобы вернуться к великой традиции гуманистической этики, рассматривавшей человека в его телесно-духовной целостности, веря, что цель человека – **быть самим собой**, а условие достижения этой цели – **быть человеком для себя**» [5, с. 15]. XX век с его природными и социальными катаклизмами заставил мир говорить о «всеобщем характере страдания». Состояние, в результате которого человек начинает воспринимать свои страдания как некую данность, точно хронический больной, привыкший к своей болезни. Поэтому в общественном сознании, особенно на низовом уровне социальной иерархии, укоренилось мнение, что быть «совершенно счастливым» может только идиотик.

Такой всеобщий характер страдания принимают не из-за внутренних, заложенных в самом человеке причин. В основном они имеют внешний характер и исходят из сложившихся общественных отношений в определенный период его исторического развития. Многое зависит от системы воспитания, образования, религиозной или этнической принадлежности индивида. Этическое всегда откликается на все, что происходит в обществе, выступает в виде вопрошаний к этому обществу. Но это – не мое сообщение к кому-то определено, это, скорее всего, сообщение к самому себе, своему «Я»: «почему я так живу?», «как правильно мне жить?», «в чем смысл моего бытия?». Не каждый человек может ставить такого рода вопросы и сделать их актуальными для себя. Еще меньше, наверное, людей, кто пытается их решить и найти путь для самосовершенствования. Именно в прошлом веке произошло ужасающее разделение между внутренним человеческим «Я» и окружающим миром, которое было определено и зафиксировано развитием общественных наук: разделов психологии, философии, социологии, экономики и их сближением с другими формами научного знания, возникновением смежных, междисциплинарных наук.

Ф. М. Достоевский не воспринимал буржуазную Европу и противопоставлял Запад России, где, по его убеждению, не потеряны высокие общечеловеческие идеалы. Презрение к мещанству в высшей степени характерно для российского общества, презрение к буржуазному обожанию собственности земных благ: обстановки, вещей, денег. В некотором смысле, человеческие отношения, их дальнейшее развитие, кризис, преступное разрешение житейских противоречий определяются зависимостью людей от средств существования.

«Деньгами ни за что не купишь всего... Люди, люди – самое главное. Люди дороже даже денег» [2, с. 93]. Нельзя сводить добро к выгоде и пользе, возведению на пьедестал «золотого тельца». Нельзя также сводить добро к удовлетворению тех или иных потребностей человека, так как оно приводит к утилитаризму, делая критерием совершенствования комфорт, а также приводит к социальным утопиям, в которых личностью жертвуют ради удовлетворения простых, плотских потребностей.

Добро, таким образом, в российском общественном сознании всегда есть животворящая, обожествленная сила, которая раскрывается в общении людей там, где жалеют, любят, сострадают, жертвуют, отдают последнее. У человеческой души нет другого закона, кроме добра и неправомерно снижать его образ до денег и до «хлеба насущного». «Зло, по Достоевскому, есть отступление, отпадение от абстрактного, извечного, надисторического, нравственного идеала» [4, с. 9].

Человек XXI века действительно находится в трагических рамках своего бытия, когда духовная глухо-немо-слепота в современном мире является фактом и встречается повсюду – такова реальность. Однако если человеку дана возможность познать этот путь, то, значит, для него изначально открыт и другой путь – путь духовного совершенства, беспокойности действительностью, достижения вершин, не обозначенных данностью.

Именно из моральной идеи милосердия и сострадания, которые представляются нам фундаментальными, вытекает принцип толерантности, проявление терпимости к *Иному*: уважение к иным взглядам, ценностям, поведению. Для России, пережившей в своей истории периоды непримиримого противостояния особенно важно воспитание чувства терпимости к инакомыслию и инакодействию. Стремление во что бы то ни стало навязать свою точку зрения, привязать к своим нормам, ценностям и полное неумение понять, принять другого, признать само право их быть другими – все это яркие признаки нетерпимости, которые своими корнями уходят в однобокость мышления, в дикарскую нетерпимость. Только проявление интереса к иному, предоставление им права высказать свое мнение могут быть залогом прогресса и утверждения инноваций в науке, политике, искусстве, человеческих взаимоотношениях. Вот почему известный писатель – постмодернист современности Умберто Эко считает, что с нетерпимостью надо бороться у самых ее основ, неуклонным воспитанием, пока она не превратится в поведенческую непробиваемую и твердую корку. Но вместе с тем, он пишет что: «Терпеть нестерпимое означает ущемлять собственную личность. Если нечто нестерпимо, то надо принять на себя ответственность и определить, в чем же состоит нестерпимость. А затем действовать и быть готовыми дать ответ в случае ошибки» [6, с. 154].

В свете последнего высказывания становится ясно, что нетерпимое ни в коем случае

нельзя путать с тем состоянием, которое одолевает нами, когда кажущееся нейтральное поведение приводит нас к нравственному равнодушию и порождает, как правило, подлость и предательство. Люди, безразличные к чужой боли и страданию, жизненным принципом которых становится позиция «моя хата с краю», «это меня не касается», «лишь бы не меня» потворствуют всему дурному в человеческом обществе. Поэтому нас устрашает и тревожит проявление равнодушия, особенно со стороны власть имущих, к проявлениям неонацизма, расовая и национальная нетерпимость, пусть даже рядящегося в тогу борьбы за возрождение «русского (или любого иного национального) единства», тем более какого-либо превосходства в силу исторической или родовой избранности. Все эти проявления, как в житейских («кухонных»), бытовых, так и в масштабах глобальных, чревато террором и тоталитаризмом, угрожает безопасности других. К этому же относится и пресловутый американский *political correctness*, так как, в конечном счете, насаждение любой инакости, и канонизация этого принципа до степени ритуализированного действия, предпочтение буквы духу приводит к дискриминации тех, кто уклоняется от обязанности соблюдать правило политкорректности. Можно с особой деликатностью называть народ не малым, но при этом не предпринимать никаких мер для такого, чтобы представители этого малочисленного этноса действительно почувствовали себя некоей частицей целого человечества, без ответственного поддержания жизни, духа которых большая цивилизация станет беднее, лишится некоторого оттенка своего разноцветья.

Существование индивидуальных, коллективно-групповых и общечеловеческих ценностей вовсе не говорит о возможности поглощения «нижестоящей» «вышестоящим». Индивидуально-личные, национально-этнические или социально-групповые ценности не растворяются в ценностях общечеловеческих. Локальные («нижестоящие») ценности диалектически взаимосвязаны с общечеловеческими («вышестоящими»). Но сами общечеловеческие ценности могут выступать критерием всех личностных и групповых ценностей и условием существования и функционирования человеческого общества как общности, единства в целом. Выпячивание локальных ценностей, выставление их суть как над-общечеловеческих ведет к разрушению общности, созданию псевдоценностей.

Объективизация субъективного, субъективизация объективного, когда индивидуальные потребности не идут вразрез общественным установлениям, когда общество, государство не ущемляют в правах и свободах самое малое количество своих сограждан – это и есть возможный путь дальнейшего нравственного прогресса, а может, и выживания человеческого сообщества как нравственного идеала.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические и базовые нормативно-этические программы. – М.: Ин-т философии РАН, 1995. – 353 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. – Т. 21. – Л., 1981. – 473 с.
3. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
4. Сосновская Н. Ф. Проблема добра и зла в этических взглядах Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л., 1975. – 28 с.
5. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. и послесл. Л. А. Чернышевой. – Мн.: «Коллегиум», 1992. – 253 с.
6. Эко У. Пять эссе на темы этики / Пер. с итал. Е. А. Костюкевич. – СПб.: «Симпозиум», 2002. – 160 с.
7. Apel K.-O. The Ecological Crisis asa Problem of Discourse Ethics. // Oefsti A/ (ed.) Ecology and Ethics. A Report from the Melbi Conference, 18–23 Juli 1990. Vitenskap, 1990. – 323 p.

Рецензенты:

Михайлов Виктор Данилович, доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГАОУ ВПО Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск.

Уткин Ксенофонт Дмитриевич, доктор философских наук, профессор кафедры языка и культуры ФГБОУ ВПО Якутская государственная сельскохозяйственная академия, г. Якутск.